

ЭТНОМЕТОДИКА
И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ
ETHNOMETHODICS
AND INTERCULTURAL COMMUNICATION

DOI 10.22363/2618-8163-2021-19-2-180-190

Научная статья

**Специфика речи двуязычных детей
из семей русских немцев, живущих в Германии**

К. Ликари¹, М. Перотто²✉

¹Казанский федеральный университет,
Российская Федерация, 420008, Казань, ул. Кремлевская, д. 18

²Болонский университет,
Итальянская Республика, 40124, Болонья, via Cartoleria, д. 5

✉ monica.perotto@unibo.it

Аннотация. Представлена актуальная тема анализа грамматики русского языка как унаследованного детьми мигрантов второго или третьего поколения в Европе и мире. Оригинальность исследования заключается в выявлении специфики речи детей из семей русских немцев, живущих в Германии в условиях двойного языкового унаследования. Родители детей русских немцев обладают очень богатой миграционной историей, будучи в свою очередь тоже эритажниками немецкого языка, на котором говорили в своей семье. В настоящей работе главной целью является выявление общих признаков контакта унаследованного русского языка немцам, живущими в Германии, на уровне морфологии и лексики. Для этой цели проведено полевое исследование в учебно-интеграционном центре русского языка Dialog e. V. в г. Ройтлингене (Германия). Анализ устных и письменных работ двуязычных детей группы русских немцев последнего поколения показал не только общие элементы эрозии, выявленные в «грамматике эритажников», но и особые лингвистические черты, вызванные переходом от немецко-русского к русско-немецкому унаследованию. Влияние нестандартного русского языка родителей отличает их от других групп русских эритажников, подчеркивая важность исследования речи не только детей, но и родителей, а также и обучения стандартному русскому языку в рамках неформального образования.

Ключевые слова: унаследованный язык, двуязычие, миграция, дети-билингвы, эритажники, русские в Германии, русские немцы

История статьи: поступила в редакцию 12.10.2020; принята к печати 30.12.2020.

Для цитирования: Ликари К., Перотто М. Специфика речи двуязычных детей из семей русских немцев, живущих в Германии // Русистика. 2021. Т. 19. № 2. С. 180–190. <http://dx.doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-2-180-190>

© Ликари К., Перотто М., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Введение

В развитии русского языка зарубежья дети второго или третьего поколения последней (четвертой) миграционной волны, так называемые эритажники или херитажники (*heritage speakers*, HS)¹, играют все более существенную роль. По данным А. Арефьева, заместителя директора «Социоцентра», «продолжается стабильный рост числа изучающих русский язык в Европе и Северной Америке в частных и общественных образовательных центрах, субботных и воскресных школах за счет детей эмигрантов из России и стран бывшего СССР»².

В странах Европы миграционные общины отличаются по уровню жизни или условиям проживания, компактного или дисперсного, и по семейному составу, моно- или биэтническому, поэтому, соответственно, по-разному решается вопрос в сфере языковой политики и политики образования. В большинстве случаев речь идет об индивидуальной или семейной миграции, а не массовой, отмеченной в Израиле в 1990-х годах во время репатриации евреев из СССР, так называемой большой алии. В Европе исключение, наверно, представляет Германия, в которой произошла значительная репатриация двух автономных общин: русских немцев и еврейских беженцев. Поэтому в Германии отмечается самое большое количество русскоязычных мигрантов Европы, эмигрировавших не только из России, но и из стран Средней Азии и СНГ. Количество этнических русских в Европе варьируется в зависимости от стран³, и к русскоязычному контингенту добавляются мигранты из постсоветского пространства: украинцы, белорусы и жители Средней Азии. Сначала эти группы не образовывали настоящие общины, как было отмечено в монографии о русскоязычной эмиграции в Италии (Perotto, 2009), но потом ситуация изменилась, и теперь можно сказать, что участие в мероприятиях для развития и распространения русского языка

¹ По определению М. Полинской, HS – «носители первого языка как семейного или домашнего» (Полинская, 2010: 344), а их языки можно определить как *heritage languages*, те которые Фишман разделяет на три категории: аборигенные (*indigenous*), колониальные (*colonial*) и мигрантские (*immigrant languages*) (Fishman, 2001: 87).

² Губернаторов Е. Число изучающих русский язык в мире упало в 2 раза со времен распада СССР // РБК. 2019, 28 ноября. URL: <https://www.rbc.ru/society/28/11/2019/5ddd18099a79473d0d9b0ab1https://www.rbc.ru/society/28/11/2019/5ddd18099a79473d0d9b0ab1> (дата обращения: 10.02.2021).

³ По данным 2019 можно сказать, что 7,7 % жителей Европы родились вне самого ЕС (34,2 млн) и 19,1 % русских мигрантов живет в ЕС. См.: European Community. URL: https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/promoting-our-european-way-life/statistics-migration-europe_it (дата обращения: 10.02.2021); Количество русских, живущих в Италии – 37 424 // ISTAT. 2020, 1 января. URL: http://dati.istat.it/Index.aspx?DataSetCode=DCIS_POPSTRCIT1 (дата обращения: 10.02.2021). Количество русских, живущих во Франции в 2018 г. – 53 300 (URL: <https://www.insee.fr/fr/statistiques/5363819?sommaire=5363676> (дата обращения: 10.02.2021)), в Великобритании – 66 000 (URL: <https://www.ons.gov.uk/> (дата обращения: 10.02.2021)), в Испании – 77 000 (URL: <https://noticia.ru/allnews/russkaya-ispaniya/v-ispanii-oficialno-prozhivayut-bolee-77-tys.-russkih-i-111-tys.-ukraincev.htm> (дата обращения: 10.02.2021)).

объединяет большинство его носителей. Развиваются также научные встречи, касающиеся изучения речи детей-билингвов⁴.

Контакт между русским и разными национальными языками в Европе и США приводит к своего рода «грамматике эритажников», представленной в различных исследованиях (Полинская, 2010; Polinsky, 2018; Polinsky, Scontras, 2020). Однако работы, в которых рассматривалась бы специфика «грамматики эритажников» русских немцев, живущих в Германии, на сегодняшний день отсутствуют.

Цель

Целью исследования – выявление специфики ошибок в речи детей из семей русских немцев, живущих в Германии.

Методы и материалы

В качестве основных материалов исследования представляется тестирование, проведенное в период с марта по август 2019 года в группе из 34 детей в возрасте от 7 до 14 лет, регулярно посещающих учебно-интеграционный центр Dialog e. V.⁵ в городе Ройтлингене (Баден-Вюртемберг). Dialog e. V. является международной ассоциацией, основанной в 2003 году по инициативе группы родителей и работающей в целях поддержки и поощрения интеграции семей иммигрантов в Германии. Первоначально только маленькая группа детей встречалась по выходным вместе с родителями, чтобы заниматься русским языком. Позже к ним присоединилось все больше людей, так что растущий интерес требовал реализации более широкого проекта. В последние годы *Wochenendschule*⁶ предлагает различные образовательные и развлекательные мероприятия для русскоязычных детей и молодежи.

Для выявления ошибок в речи русскоязычных детей был проведен тест устных и письменных навыков. Данный тест состоит из двух частей: интервью и свободного пересказа истории в картинках, направленных на изучение основных видов речевой деятельности, таких как аудирование, говорение, чтение и письмо. В ходе интервью детям предоставлялась возможность рассказать немного о себе в устной и письменной формах для сбора следующих

⁴ Интересные конференции по теме «Русский язык в многоязычном мире» были организованы в Москве в Высшей школе экономики в 2018, 2019, 2020 гг., научным коллективом Е.В. Рахилиной и А.С. Выренкова, авторами Russian Learner Corpus, который собирает тексты эритажников всего мира на русском языке. См.: <http://www.web-corpora.net/RLC/>. Мероприятия, организованные в последнее время в дистанционном режиме, также многочисленны. В России, например, в период сентября – ноября 2020 г. Центр языкового тестирования СПбГУ организовал цикл вебинаров под названием «Билингвизм: изучение, обучение, тестирование». В Италии уже третий год Университет г. Пармы организует международную конференцию «Билингвизм в современном мире», материалы которой публикуются издательством «Златоуст».

⁵ См. официальный сайт центра: <https://dialog-rt.de/> (дата обращения: 10.02.2021).

⁶ Немецкий эквивалент русской «субботней школы», т. е. школа, занятия в которой проходят в выходные дни, в основном по субботам.

данных: 1) имя; 2) возраст; 3) происхождение; 4) период пребывания в Германии; 5) годы изучения русского языка; 6) язык, на котором говорят дома и с друзьями; 7) мотивация к выбору посещения курса русского языка в русском центре «Диалог». Во второй части теста им было предложено описать картинки и рассказать историю «Пик Бадалук» сначала устно, а затем и письменно.

В выборку входили русскоязычные дети-билингвы, из которых почти все родились в Германии и большинство живет в моноэтнических русскоязычных семьях. По составу семьи информантов наша выборка отличается от аналогичных исследований, проведенных в разных странах мира, в которых информанты, как правило, происходят из смешанных семей. В нашей выборке выделены три макрогруппы, различающиеся по конфигурации семьи происхождения детей: полностью русские семьи, семьи русских немцев и смешанные семьи. Мы рассмотрим здесь результаты тестирования, проведенного среди детей из семей русских немцев, которые составляют наиболее значительную часть выборки.

Хотя анализ проводился на всех лингвистических уровнях, в настоящей работе особое внимание уделяется морфологии и лексике, которые представляют, как уже сказано выше, большие трудности для всех эритажников. Относительно остальных языковых уровней, следует отметить, что на каждом из них существуют трудности и недостатки, связанные с субординативным типом двуязычия детей, родной язык которых проявляет существенные признаки сдвига.

Результаты

Исходя из анализа собранных данных, мы можем сформулировать выводы об уровне компетентности и владении русским языком той части информантов, которые происходят из семей русских немцев, с учетом исторических и социальных предпосылок, в которые вписывается происхождение данной группы. Хотя ответы на вопросы интервью подчеркивают тот факт, что большинство из них считает, что им легче говорить по-немецки (хотя все заявляют, что в семье говорят по-русски), из результатов анализа следует, что русский язык может быть их родным языком несмотря на то, что он выявляет признаки неполного усвоения. В отличие от языка детей, живущих в смешанных семьях, у детей русских немцев влияние немецкого языка на русский язык гораздо менее очевидно, поэтому представляется разумным сделать вывод, что языковые варианты, обнаруженные у детей из семей русских немцев, в основном связаны с русским языком (baseline) их родителей, что является нестандартным вариантом русского языка. Кроме того, среди информантов выборки было два ребенка, рожденных в России из моноэтнических русских семей, эмигрировавших в Германию несколько лет назад, а также 10 детей из смешанных семей. При сравнении результатов тестирования русских немцев с результатами других детей было отмечено, что в том же возрасте уровень владения языком русских немцев близок к уровню владения двух информантов, которые родились в России.

Обсуждение

В развитии русскоязычной миграции Германия уже на протяжении длительного периода служила центром притяжения русскоязычного населения, являясь одним из самых популярных стран в Европе, в которой мигранты неоднократно селились уже с 20-х годов прошлого века, формируя настоящие общины, так что русскоязычные сегодня составляют одну из крупнейших языковых групп в Германии⁷. Данная группа является довольно гетерогенной по происхождению и этнической принадлежности, включая три подгруппы: так называемых русских немцев, группу русских евреев из бывшего Советского Союза и группу людей других национальностей из бывших Советских Республик (Gagarina, 2011). Общая черта этих групп – русский язык как родной, однако после переезда в Германию русский язык, как правило, становится для них языком семейного общения, в то время как немецкий преобладает в социальной сфере. Можно также отметить, что русскоязычная группа, хотя с этнической стороны является неоднородной, на самом деле все более компактно поддерживает овладение русским языком у своих детей.

Для обеспечения интеграции этих мигрантов в принимающее общество, в крупных городах и некоторых регионах Германии существуют целые сети культурных, социальных и коммерческих организаций и учреждений, которые служат ориентиром для русскоязычных общин: издаются газеты, транслируются радиопередачи, создаются специализированные веб-сайты и порталы, и все, естественно, на русском языке. Кроме того, доступ к российским СМИ также становится все более легким и мгновенным, предоставляя мигрантам возможность поддерживать связь со своей родиной (Бергманн, 2014).

В настоящее время русский язык в Германии занимает заметное место не только внутри русскоязычных групп мигрантов, но и в немецком обществе, в которое эти люди влились. В связи с этим немецкие ученые-слависты уделяют большой интерес русскоязычной миграции, и особенно наличию двуязычных детей. Среди русскоязычных мигрантов в Германии около трети составляют дети, из которых более 60 % родились в Германии или приехали туда в раннем возрасте (Gagarina, 2011). Эти дети все чаще используют русский язык в домашней сфере, а немецкий – в школьной и социальной.

Язык детей второго поколения русскоязычной миграции, как уже отмечалось в работе (Перотто, 2013), характеризуется общим процессом субординативного двуязычия. Как правило, эти дети усвоили русский язык в семье и используют его почти исключительно с родными в кругу семьи, а при поступлении в школу или в более широком кругу общения язык их принимающей страны становится доминантным, особенно при общении с

⁷ Трудность определения реального количества русскоязычных мигрантов в Германии состоит в том, что нет официальной статистики по языкам, а по паспорту многие русскоязычные не являются россиянами. Кроме того, неизвестно, сколько русскоязычных третьего поколения живет в Германии, так как их не считают вообще. По данным Б. Дитц и Г. Ролл, в Германии живет по крайней мере 3 млн русскоговорящих, из которых 1,4 млн – русские немцы (Aussiedler, переселенцы из Казахстана 568 000, из России 555 000, с Украины 36 000 и из остальных бывших советских республик) (Dietz, Roll, 2017). Подтверждение этих данных можно найти на сайте <https://ru-geld.de/statistik/how-many-migrants.html> (дата обращения: 09.02.2021).

друзьями и сверстниками. Поэтому сильное влияние на развитие полноценного двуязычия оказывает их второй язык (который отчасти постепенно приобретает функции первого языка) и язык родителей. Именно этот последний можно считать *baseline*, то есть основой, по которой строится вся языковая система русского языка этих детей⁸. Если язык родителей показывает на уровне лексики и морфологии признаки трансфера из второго языка, а иногда даже эрозии и «языкового сдвига» (вкрапление заимствованных слов, калек, переключения и смешения кода), как бывает у первого поколения четвертой миграционной волны (Perotto, 2009), тогда можно объяснить признаки эрозии в детской речи не как ошибки, а скорее как результат усвоения языка. Неслучайно специалисты онтолингвистики и изучения унаследованных языков уже не прибегают к использованию термина «ошибка», а говорят все чаще об «инновациях» (Вардиц, Рингблом, 2019; Цейтлин, 2009; Круглякова, 2011), о случаях трансфера (*transfer*), эрозии (*attrition*) и вместо употребляемого «неполного усвоения» (*incomplete acquisition*) теперь ввели более политкорректный термин «дивергентное усвоение» (*divergent attainment*) (Polinsky, 2018; Polinsky, Scontras 2020). Среди общих признаков, характеризующих морфологию и лексику русскоязычных эритажников, самыми распространенными являются следующие (приводим примеры из разных исследований):

а) **колебание в употреблении надежей** (преобладание именительного и винительного): *они живут в *домик; бабушка говорит что-то *мальчика* (Perotto, 2015); *он *это не говорил; ему около *пятьдесят лет* (Жданова, 2012); *а где я на *все эти фотографии?* (Вардиц, Рингблом, 2019);

б) **утрата категорий одушевленности/неодушевленности**: *я вижу *один мальчик; он увидел *лев; папа пришел и звал *свои друзья* (Perotto, 2015); *он видел *русские студенты* (Жданова, 2012);

в) **неточности в употреблении предлогов и местоимений**: *писать *с карандашом; слушай *на меня* (Вардиц, Рингблом, 2019); *пошел *до мамы и все хорошо; мама плакала, потому что не было *его сына; *свой папа сказал пойти сына искать* (Perotto, 2015); *в домике жили она и *свой муж, *своя бабушка живет на природе*. Последние два примера принадлежат информантам, у которых второй язык испанский и французский, то есть языки, близкородственные к итальянскому. Неслучайно употребление местоимения *свой* напоминает варианты притяжательного местоимения этих языков: *suo/sua* (итальянский), *su* (испанский), *sa, son* (французский) (Круглякова, 2011);

г) **неточности в употреблении глагола** (калькирование из второго языка): (гл. *иметь*) – *я имела языковой курс* (Жданова, 2012); (гл. *делать*) *они делали чай* (Makarova, Terekhova, 2020), формы, которые в нашем корпусе мигрантов первого поколения встречались часто как семантические кальки с итальянского: *делать душ* (*fare la doccia*), *делаю кроссворды* (*faccio le parole crociate*), *она имела детей* (*lei aveva dei figli*), *я имею насморк* (*ho il raffreddore*) (Perotto, 2009). В работе Н.В. Гагариной (Gagarina, 2011) дается

⁸ По определению М. Полинской – «the language that he or she was exposed to as a child» (цит. по: Перотто, 2013: 231). С этой моделью, а не со стандартным языком носителей, следует сравнивать языковую систему HS.

много примеров расширения конструкций с глаголом «делать» (*делать фото, делать драку, делать волосы*). Неслучайным является также употребление вида глагола. Примеры показывают, что эритажники прибегают к прототипичной форме глагола: глаголы деятельности употребляются чаще всего в НСВ, в то время как результативные глаголы – в СВ: *мы и видели этот дом и мы не *любим там; я никогда не *прочитал та книга* (Pereltsvaig, 2008); *пришел папа и *звал свои друзья; долго сын *потерялся* (Perotto, 2015).

В настоящей работе невозможно дать исчерпывающую картину всех этих явлений, тем не менее приводится особый случай языковой эрозии, вызванной двойным процессом унаследования языка: случай русских немцев в Германии.

На морфологическом уровне данные анализировались с учетом по отдельности переменных и неизменных частей речи. В отношении информантов группы русских немцев большинство найденных ошибок касается переменных частей речи и, в частности, склонения существительных, управления предлогов, употребления притяжательных местоимений и выбора глаголов.

Склонение существительных в винительном падеже представляет трудность почти для всех детей применительно к категории одушевленности: они не различают употребление именительного и винительного падежей: «*Все семья *пошёл *тигр убивать»; «Он хотел *мальчик съесть». Аналогичные морфологические ошибки также влияют на управление предлогов: «Вот это Пик Бадалук, и он у своей *семьей»; «[Папа] играет на *инструменты». Оба вида ошибок можно проследить по тенденции к обобщению и выбору наиболее часто используемых случаев в речи, что является общей и широко распространенной чертой среди эритажников.

Кроме того, анализ выборки выявил еще одну интересную особенность, заключающуюся в использовании некоторых необычных или просторечных форм притяжательных местоимений: «Вот ихний дом, такой маленький дом»; «Мама евойная плачет тут, тут папа евойный играет на *инструменты»; «Это евошний дом». Формы *ихний* и *евойный* (или *евошний*) являются просторечными и архаичными вариантами местоимений третьего лица единственного и множественного числа (Круглякова, 2011: 195). Использование данных форм было выделено лишь при тестировании информантов из семей русских немцев, родители которых являются носителями нестандартного варианта русского языка, относящегося к их миграционному прошлому. Это свидетельствует о том, что не только количество, но и качество инпута влияет на судьбу родного языка, особенно на этапе усвоения языка в миграционном контексте. Считается, что в данном случае влияние родительского языка привело к накоплению в речи детей вышеупомянутых просторечных форм, которые уже не принадлежат к стандартному русскому языку.

Наконец, что касается глаголов, наблюдаются трудности при их использовании не столько на морфологическом уровне, сколько на лексическом. При анализе выборки, замечается общая тенденция рассказывать историю, учитывая только основные события и используя одни и те же глаголы для их описания. Лишь некоторые дети рассказали эту историю более подробно, обогатив свое повествование также с лексической точки зрения.

Большинство из них старше девяти лет. Почти все информанты проявили склонность перечислять события, а не создавать на их основе органическую историю, предпочитая простоту изложения, не утруждая себя выражением – письменным или устным. Использование глагола несовершенного вида «делать», как и в уже процитированных выше исследованиях, особенно ярко иллюстрирует данную тенденцию, к которой дети прибегали очень часто, когда не знали или не помнили правильные глаголы для описания действия, изображенного в картинке: «Папа на трубе шум делает»; «Папа делает музыку». Приведенные примеры относятся к картинке, описание которой оказалось проблематичным почти для всех детей. В ней отец главного героя играет на трубе, чтобы привлечь внимание охотников и попросить у них помощи. В этих случаях информанты выдумали перифразы, характерные для языка эритажников, образованные двумя разными способами: 1) стремлением к выявлению отсутствующего слова; 2) попыткой его избежать (Mikhaylova, 2018). Кроме того, подобные стратегии наблюдаются при использовании глагола «плакать». Несмотря на то, что это очень распространенный глагол, не все информанты могли его вспомнить. В особенности, если в случае информантов из смешанных семей наблюдалась тенденция сформулировать перифразы, направленные на обход отсутствующих слов, то дети из семей русских немцев проявляли склонность к их определению, иногда даже используя разговорные или необычные глаголы, такие как «реветь». Из этого следует, что в их работах наблюдается не только основная лингвистическая эрозия в области глагола, типичная для всех эритажников, но и влияние нестандартного варианта русского языка, который, скорее всего, они усвоили от родителей.

Заключение

Большинство ошибок являются общими для многих эритажников разных стран и относятся к неполному овладению родным языком, прерванным с вхождением ребенка в общество принимающей страны. Однако в случае русских немцев в Германии решающим фактом не является доминирование именно немецкого языка, поскольку не возникают особые интерференции между двумя языками. Существенное отличие их русской речи – наличие архаичных, просторечных и разговорчивых лексических элементов. Считается, что объяснение данному феномену лежит в истории миграции, этнической группы русских немцев. Русский язык, который они унаследовали от своих родителей, проживших всю жизнь в России или Советском Союзе при доминантном русском языке, скорее всего, уже содержал признаки эрозии из-за взаимодействия с немецким языком. Оказывается, что родители детей общины русских немцев были в свою очередь тоже эритажниками немецкого языка, на котором говорили в своей семье. Такие ошибки со временем укоренились в ткани языка, переданного им в качестве нестандартного варианта.

В итоге можно сделать выводы о том, что факторы, определяющие судьбу родного языка у эритажников, разнообразны, но гораздо сложнее сохранить язык, когда процесс унаследования в семье двойной. Семейный язык, язык

родителей является языком, который ребенок усваивает первым, в раннем возрасте, дальше выбор родителей в отношении образования играет решающую роль. В процессе взросления ребенок вступает в контакт с обществом принимающей страны, в которой говорят на другом языке, поэтому возникает необходимость формального обучения под руководством квалифицированного учителя для сохранения компетенций на родном, стандартном языке.

Необходимой движущей силой эффективного учебного процесса становится на этом этапе мотивация: изначально она может наблюдаться только у родителей, но позже, когда ребенок начинает расти и определять границы своей собственной идентичности, она также должна быть разделена и им. В этом процессе ассоциации и интеграционные центры оказывают реальную помощь как семьям в воспитании и мотивации своих детей к изучению стандартного русского языка, так и самим детям, которые, погружаясь в русскоязычную среду вместе с другими детьми, могут познакомиться со своими собственными корнями и корнями своей семьи, пополняя свой языковой инпут в пользу сохранения родного языка.

Список литературы

- Бергманн А.* О языковой и образовательной ситуации русскоязычных школьников в Германии // Инструментарий лингвистики: ошибки и многоязычие. Хельсинки: Unigrafia, 2014. С. 96–113.
- Вардиц В., Рингблом Н.* Инновации в речи детей-билингвов в сопоставительном аспекте: общие механизмы словотворчества в унаследованном русском языке в Швеции и Германии // *Slavica Helsingiensia*. 2019. № 52. С. 275–286.
- Жданова В.* Язык русской диаспоры: к проблеме типологии морфологических и синтаксических характеристик // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты: сборник статей в честь 80-летия И.А. Мельчука / под ред. Ю. Апресяна и др. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 682–695.
- Круглякова Т.А.* Конструирование системы русских притяжательных местоимений детьми-билингвами с первым романским языком // Путь в язык: одноязычие и двуязычие / под ред. С.Н. Цейтлин, М.Б. Елисеевой. М.: Языки славянской культуры, 2011. С. 191–202.
- Перотто М.* Витальность русского языка у второго поколения русскоязычных мигрантов в Италии: к продолжению исследования // *Contributi Italiani al XV Congresso Internazionale degli Slavisti (Minsk, 20–27 agosto 2013)* / М. Garzaniti (ed.) Firenze: Firenze University Press, 2013. Pp. 229–247.
- Полинская М.С.* Русский язык первого и второго поколения эмигрантов, живущих в США // *Slavica Helsingiensia*. 2010. Vol. XL. Pp. 336–352.
- Цейтлин С.Н.* Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М., 2009. 594 с.
- Dietz B., Roll H.* Die Einwanderung aus der Sowjetunion und ihren Nachfolgestaaten // *Handbuch des Russischen in Deutschland: Migration – Mehrsprachigkeit – Spracherwerb* / К. Witzlack-Makarevich, N. Wulff (Hg.). Berlin: Frank & Timme, 2017. Pp. 101–113.
- Fishman J.* 300-plus years of heritage language education in the United States // *Heritage Languages in America: Preserving a National Resource* / ed. by J.K. Peyton, D.A. Ranard, S. McGinnis. Washington, DC: Office of Educational Research and Improvement, 2001. Pp. 81–89.
- Gagarina N.V.* Acquisition and loss of L1 in a Russian-German bilingual child: a case study // Путь в язык: одноязычие и двуязычие / под ред. С.Н. Цейтлин, М.Б. Елисеевой. М.: Языки славянской культуры, 2011. Pp. 137–163.

- Kagan O., Dillon K. A new perspective on teaching Russian: focus on heritage learner // The Slavic and East European Journal. 2001. Vol. 45. No. 3. Pp. 507–518.
- Makarova V., Terekhova N. Russian-as-a-heritage-language vocabulary acquisition by bi-/multilingual children in Canada // Русистика. 2020. Т. 18. № 4. С. 409–421. <http://dx.doi.org/10.22363/2618-8163-2020-18-4-409-421>
- Mikhaylova A. Russian heritage language learner narratives revisited: a look at non-prototypical learners // Connecting across languages and cultures: a heritage language Festschrift in honor of Olga Kagan / ed. by S. Kresin, S. Bauckus. Bloomington: Slavica Publishers, 2018. Pp. 103–126.
- Pereltsvaig A. Aspect in Russian as grammatical rather than lexical notion: evidence from heritage Russian // Russian Linguistics. 2008. No. 32. Pp. 27–42.
- Perotto M. Evidence of attrition in second-generation Russian-speaking immigrants in Italy // Russian Journal of Communication. 2015. Vol. 7. Issue 2. Pp. 242–247.
- Perotto M. Lingua e identità dell'emigrazione russofona in Italia. Napoli: Liguori, 2009. P. 192.
- Polinsky M. Heritage languages and their speakers. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 434 p.
- Polinsky M., Scontras G. Understanding heritage languages // Bilingualism: Language and Cognition. 2020. Vol. 23. Issue 1. Pp. 4–20.

Сведения об авторах:

Лицари Камилла, аспирант по специальности «Русский язык» кафедры русского языка как иностранного Казанского федерального университета. *Сфера научных интересов*: русско-немецкий детский билингвизм, лингвистический анализ художественного текста. E-mail: camilla.licari@gmail.com

Перотто Моника, доцент русского языка и языкознания департамента современных языков, литератур и культур Болонского университета. *Сфера научных интересов*: анализ текста и перевод, двуязычие и миграция, социолингвистические проблемы двуязычия и языковой политики в постсоветском пространстве, язык и образование в Центральной Азии. Автор двух монографий: «Язык и национальность в постсоветских республиках» (1996) и «Язык и идентичность русскоязычной иммиграции в Италии» (2009) и нескольких статей об анализе речи первого и второго поколений русскоязычных мигрантов в Италии. E-mail: monica.perotto@unibo.it

DOI 10.22363/2618-8163-2021-19-2-180-190

Scientific article

A study of the speech of bilingual children of Russian Germans living in Germany

Camilla Licari¹, Monica Perotto²✉

¹Kazan Federal University,
18 Kremlevskaya St, Kazan, 420008, Russian Federation

²University of Bologna,
5 Via Cartoleria, Bologna, 40124, Italian Republic

✉ monica.perotto@unibo.it

Abstract. The article presents the relevant issue of analysing the common features of the “grammar” of Russian as language inherited by the second or third generation of migrant children in Europe and in the world. The novelty of the study is in the fact that it compares

the speech of children with different dominant languages and, in particular, studies the speech of a group of children from families of Russian Germans living in Germany under dual language inheritance. Their parents have a very rich migration history, as they are, in turn, also heritage speakers of German, the language, which they spoke in their family. In the present paper, the main task will be to identify the common features determined by the contact between Russian as a heritage language and other languages, especially at morphological and lexical levels. For this purpose, a field research project was conducted at the Learning and Integration Centre “Dialog e. V.” in Reutlingen. The analysis of oral and written works of bilingual children of the last generation of Russian Germans showed not only the common elements of erosion identified in the “heritage grammar”, but also the special linguistic features caused by the transition from German-Russian to Russian-German inheritance. The influence of their parents’ language distinguishes them from other groups of Russian students, emphasizes the importance of studying not only children’s, but also their parents’ speech, as well as teaching standard Russian in the framework of non-formal education.

Keywords: child bilingualism, heritage speakers, heritage language grammar, Russian as a heritage language, Russian Germans

Article history: received 12.10.2020; accepted 30.12.2020.

For citation: Licari, C., & Perotto, M. (2021). A study of the speech of bilingual children of Russian Germans living in Germany. *Russian Language Studies*, 19(2), 180–190. <http://dx.doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-2-180-190>